

Косинова, И. Над любовью война не властна [Текст] : опыт читательской интерпретации повести В.П. Астафьева : ["Пастух и пастушка"] / И. Д. Косинова // Лит. в школе. - 2009. - № 6. - С. 38-41.

Двадцать пять лет я преподаю литературу в средней школе. Все эти годы ищу ответы на вопросы: Как уйти от одной, кажущейся тебе единственно верной точки зрения на произведение? Чему и как учить, чтобы мнение ученика выросло из постижения им глубинных, потаённых смыслов изучаемого текста?

Десять лет я работаю по своей программе «Культура — хранительница памяти» (Д.Лихачёв), это плод моих раздумий, поисков, сомнений. Мы изучаем литературный текст в его многочисленных связях с различными философскими, религиозными системами, с культурами разных народов, так как истинно талантливое произведение включено в единый духовный процесс, где определяющее понятие — «генетическая память». Особое место в нашей программе занимает мифология, фольклор, Библия: именно здесь складывалась система эстетических знаков и символов, вошедших в культуру последующих веков.

Принцип контекстного изучения произведения развивает ассоциативность мышления; актуализируя забытые или открывая новые смыслы, ставит читателя в позицию исследователя, даёт шанс сказать своё, новое слово.

За эти годы моими учениками написаны 16 научно-исследовательских работ. Среди их авторов — лауреаты и дипломанты городских, областных и всероссийских конференций.

В последнем интервью Виктор Астафьев назвал повесть «Пастух и пастушка» своим лучшим произведением. Это действительно одна из совершеннейших страниц русской прозы XX века. Построенная на тончайших переключках с древними сказаниями, легендами, повесть приглашает к разговору о вечных, неумирающих ценностях. Насыщенная мифопоэтической символикой, будит мысль читателя, вызывая из памяти знакомые фразы, сюжеты, мотивы.

На уроках мы идём вслед за автором, учимся слышать его голос, но, как известно, завершив произведение, автор отпускает своё «детище» на свободу и уже не властен над ним. Многочисленные же читательские интерпретации — свидетельство вечной современности его творения.

Оформление урока. Живой цветок, обвитый колючим татарником; музыкальные произведения Якоба Яна ван Эйка, Глюка, Баха.

1-й урок. «И брела она по дикому полю...»

Первый урок посвящаем анализу вступления. Здесь ключ к пониманию всей повести.

Почему автор назвал своё произведение пасторалью? Пастораль

— жанр литературы, живописи, музыки эпохи Возрождения. Слушаем пастореллу, «Эхо — фантазия» Якоба Яна ван Эйка, читаем детские воспоминания астафьевского героя: «Ещё я помню театр с колоннами и музыку. Знаешь, музыка была сиреневая... Я почему-то услышал сейчас ту музыку, и как танцевали двое — он и она, пастух и пастушка — вспомнил. Лужайка зелёная. Овечки белые. Пастух и пастушка в шкурках. Они любили друг друга, не стыдились любви и не боялись за неё. В доверчивости они были беззащитны. Беззащитные недоступны злу — казалось мне прежде...»

Записываем определение жанра: «Пастораль — произведение, изображающее идиллическую (гармоничную, безмятежную) любовь на фоне природы». Так почему же пастораль? В глазах одних — недоумение, других — уже понимание, кто-то заметит: «Современная же пастораль».

Не будем торопить с ответом, откроем повесть и начнём читать...

*Любовь моя, в том мире давнем,
Где бездны, кущи, купола, —
Я птицей был, цветком и камнем
И перлом — всем, чем ты была.*

Поэтические образы эпитафия (к нему мы ещё не раз вернёмся) узнаваемы. В их основе — пантеистическое мировосприятие человека, ощущающего «таинственную связь» с окружающим его миром.

Звучит «Ich rufzu dir, Jessus Christ» Баха.

Музыка созвучна астафьевскому слову (та же высокая тоска, то же духовное томление).

«И брела она по дикому полю, непаханному, нехоженному, косы не знавшему». Что так начинается? Древние сказания, легенды, мифы. В сознании подготовленного читателя рождается образ мира в его первобытном стихийном состоянии, как бы творящегося из хаоса первородного океана. Находим подтверждения в тексте повести: «немая степь», «пустынная тишина», «где начиналось небо, где кончалось море, она не различала», «хвостатыми водорослями шевелились рельсы», «волнами накатывали шпалы».

Какое ощущение рождает это бесконечное, беззвучное пространство? Ощущение одиночества, сиротства, что усиливается образом заброшенной, затерявшейся в степи могилы. Читаю её описание и радуюсь открытиям ребят. «Татарник, цепляющийся заусеницами колючек за выветренный столбик», у одних связался с образом колючей проволоки — трагическим знаком войны, у других — с терновым венцом Христа — символом страданий. «В этой могиле лежит мученик, страдалец, прошедший свой крестный путь — путь на Голгофу», — говорят ребята. «Звук рвущейся струны... из-под замершей травы» — эта метафора (уподобление сердца музыкальному инструменту) также им знакома и понятна (кто-то

вспомнил «На любовь своё сердце настрою» Окуджавы, кто-то — гриновскую Ассоль-«скрипку»).

Рвущаяся душа... от тоски, от радости встречи. Рвущаяся навстречу другой душе — такой же одинокой и страдающей.

Кто герои повести? Он и Она. Мужчина и Женщина. О чём эта повесть? О любви, единственной ценности в этом сотворенном Богом мире. О любви вечной («Как долго я тебя искала!»), прекрасной и трагической. Мои ученики называют Орфея и Эвридику, Тристана и Изольду, Паоло и Франческу, Ромео и Джульетту, вспоминают героев недавно просмотренного фильма Т.Абуладзе «Древо желания».

«Ветер шевелил полынь на могиле...» — читаю вступление до конца. Вырисовывается языческий образ умирающей земли-старухи («...старчески потрескавшаяся земля», «пепельный тлен», «бельма солончаков», «немогущая трава», «костлявый татарник», «мелодия беспредельной печали», «над вечным покоем»). Не первый день творения, а завершение земного существования. Логика движения авторской мысли (от одной могилы — к смерти мира)? Вернёмся к эпиграфу. «Я птицей был, цветком и камнем...». Пока человек живёт, со всем сущим он чувствует кровную связь, во всём частичка его души, и потому «каждый человек — это целый мир, который с ним рождается и с ним умирает» (Гёте). В этом контексте уже по-другому прочитываются первые строчки повести. Поле «непаханное», «косы не знавшее», потому что тот, кто рождён пахать и сеять, лежит в земле. И она, осиротевшая без хозяина, умирает. Астафьевский образ земли-сироты воскрешает в памяти учеников «чёрную» (мёртвую, засеянную костями Владимирская икона Божьей Матери землю) из «Слова о полку Игореве» и чёрное поле с обугленным комбайном и остовом мельницы из фильма А.Тарковского «Иваново детство».

«Почему ты лежишь один посреди России?» Подумаем над смыслом этой поэтической гиперболы. Каждый убитый для любящего и помнящего сердца — единственный и неповторимый, и то, что их, лежащих в земле,— миллионы, для него не утешение.

Од-и-н посред-и Росс-и-и... Если кто-то из ребят в этом тоскующем «и» услышит отголосок плача Ярославны, что чайкой летит над половецким станом, не улыбнёмся снисходительно, примем благодарно и это.

Звучит «Ich rufzu dir, Jesus Christ» Баха.

«Рядом с её лицом качалась, шелестела сухая, немогущая травинка. Все бури мира вобрала она в себя, утишила их собою, боязно храня в бледной луковке корешка... надежды на пробуждение своё и наше».

Мир умирает, но не умирает надежда на его возрождение. Что воскресит мир? Что спасёт?

2-й урок. "Есть упоение в бою?"

Авторский взгляд на войну — тема нашего размышления на

втором уроке. Читаю сцену боя и прошу выписать самое важное для понимания авторской позиции.

В тетрадях появляются такие записи: «тёмная масса людей», «табуны людей», «кучи людей, закрученных водоворотом боя», «адово столпотворение», «воя от слепой ярости», «бросаясь друг на друга», «чёрный снег», «чёрная злоба», «чёрная ненависть», «пророк небесный с карающим копьём», «выходец из преисподни», «пещерный обитатель».

Прошу сделать выводы.

Война «расчеловечивает» человека, заставляет его действовать на уровне инстинктов, превращает в безликую частицу «массы», «толпы».

Сцену реального боя автор переводит в космический план, придаёт ей масштаб вселенской катастрофы. Апокалиптический образ «горящего с ломом» двоятся. То это «пророк небесный с карающим копьём» (страшный суд?), то «выходец из преисподни» (мир во власти сатаны?). На уроке обязательно кто-нибудь вспомнит подобную апокалиптическую сцену из только что изученного «Слова о полку Игореве» — описание битвы, развернувшейся во второй день («кровавые зори», чёрные тучи», «земля гудит, трепещут синие молнии», «дети бесовы степь перегородили»). Соотнесём и символику чёрного цвета в этих произведениях.

Читаем эпиграф. Пушкинские строки «Есть упоение в бою!» раненым, возвращающимся с фронта, кажутся «красивыми и устарелыми». Почему? Потому что они видели истинное, страшное, изуродованное чёрной злобой лицо войны, и если было в этом бою упоение, то упоение, оскорбляющее природу человека. Упоение ненавистью... «Это честный взгляд на войну Астафьева — писателя и солдата», — подводит итог учитель.

Прошу ребят сформулировать вопрос для обсуждения следующего эпизода. «Почему сцена "За баней" идёт сразу после описания боя, рождающего столь страшные ассоциации?» — спрашивают они. И находят ответы. Астафьев показывает жестокость войны, которая не щадит даже самых беззащитных («Беззащитные недоступны злу — казалось мне прежде»). Автор будто задаёт вопрос: «Может ли человек, пройдя через этот ад, остаться человеком, сохранить в себе способность любить, сострадать?» И отвечает: «Может!» Солдаты, в Бога не верующие, хоронят стариков по христианскому обычаю. «Не могу видеть убитых стариков и детей», — говорит Филькин. Ребята находят «жалеющую» лексику: «одежонка», «полушалок с реденькими висюльками кисточек», «шапчонка».

Одна моя ученица предложила подумать, почему именно за баней происходит действие. Баня во многих фольклорных обрядах — место очищения грешной души. Думаю, и это замечание уместно в мифопоэтическом контексте повести.

В анализируемом эпизоде первый раз появляются «пастух и пастушка». Они «жили по-всякому, в ругани, в житейских дрязгах», но теперь лежат, «прикрывая друг друга», «преданно обнявшись в смертный час», «руки их не смогли разнять, решили, что так тому и быть — вместе на веки вечные», — читают выразительные детали ребята. Отмечаем совмещение бытовой лексики и лексики древних баллад, стирание автором грани между прозой и высокой поэзией. Любовь побеждает смерть в легендах, сказаниях. Это закон жанра, но это и закон жизни. Как ни страшна в своём сатанинском обличий война, над любовью она не властна!

3-й урок. «И ты пришла, слышав ожиданье...»

Вторая часть (кульминационная в повести) рассказывает о единственной ночи любви Бориса и Люси. Здесь важно не сфальшивить, не оскорбить неточным словом чувств героев и автора.

Начинаем урок со знакомства с Люсей. Ребята отмечают говорящие детали в её портрете, увиденном глазами Бориса: «что-то недорисованное, как будто подкопчено лампадкой», «глаза жили как бы отдельно от лица», «выражение вечной печали», «умение достойно нести в себе страдание и охранять остальных людей от него».

«Это же Богородица!» — делают открытие мои ученики, а внимательный читатель (такой всегда найдётся в каждом классе) вспомнит и другие строчки, подтверждающие это открытие: «иконописные глаза», «скорбные бездонные глаза Богородицы». В сознании русского человека Богородица — спасительница, заступница, покровительница. Моим ученикам знакома история праздника Покрова Пресвятой Богородицы.

Перечитываем эпиграф: «И ты пришла, слышав ожиданье...» Как понять эти строчки? Пусть вопрос «повисит». А сейчас лучшие минуты урока.

Звучит мелодия из второго действия оперы К.В.Глюка «Орфей и Эвридика».

Читаю: «Какая ночь... тихая, какая ночь...» и до конца главы (выборочно). Хотя текст прочитан дома, но какая удивительная тишина, какие светлые лица можно увидеть в классе! «Мягкой, жалостной, плюшевой делалась душа...» — заканчиваю я, а музыка продолжает звучать. Не спешу выключить, пусть «переживётся» услышанное. «У них любовь не физическая, а духовная», — первая реакция. Кто-то засмеётся, но по глазам остальных читаю: согласны... и всё понимают. Эта ночь — островок любви в безумном мире («Прости... Я забыла про войну»), Люся входит в «ждушую», измученную кошмарами войны душу Бориса спасительницей, чтобы сохранить, сберечь то светлое, чистое, что ещё не убито, не вытравлено войной, спасти от ожесточения, «чёрной злобы», «чёрной ненависти», той, которая выжгла душу Мохнакова (героя, во многом

противоположного Борису). «Светлый ты парень, почитаю я тебя, — говорит он Борису. — За то почитаю, чего сам не имею. Я весь истратился на войну. Не жаль мне никого».

Сиреневая музыка, звучащая из детства, рождает в душе Бориса желание удержать, защитить свою любовь. Но какой печальной делает эту музыку горькое осознание героем «доступности беззащитных злу». Однажды на уроке родилась ассоциация с древнегреческим мифом об убегающей от Пана Сиринге. Любовь ускользает, и Пан изливает свою тоску на свирели, сделанной им из веточек сирени, в которую превратилась Сиринга (сирень — Syringa).

4-й урок. «Жизни нет конца...»

Звучит мелодия из второго действия К.В.Глюка «Орфей и Эвридика».

Читаю эпиграф к 3-й части («Время уводит тебя и меня в серый рассвет») и сцену прощания. «Живые все будьте... Живые все будьте... Живые все будьте...» — трижды повторенные, эти слова Люси звучат как заклинание. Но если «заговорённая» Ярославной («Слово о полку Игореве») природа помогает Игорю бежать из плена, то астафьевский герой умирает. Заклинание Люси его не спасает. Или?..

Рождается тема для разговора. Четвёртая часть — «Успение». «Успение» («засыпание») — религиозный праздник, «называется так, потому что Божья Мать умерла тихо, как бы уснула, а через три дня вознеслась на небо». Почему заключительной главе повести Астафьев даёт такое название? Подумаем и над строчками Петрарки: «И жизни нет конца, и мукам — краю».

Четвёртая глава рассказывает о смерти Мохнакова и Бориса (о противоположности героев мы уже говорили). Как погиб Мохнаков? Подвиг это или самоубийство? «Мохнаков добровольно уходит из жизни, — считают ребята, — понимая, что с одной голой ненавистью в душе жить в "мире" он не сможет ("Тело старшины с выгоревшим на войне сердцем разнесло по высотке")». А чистое бельё (знак духовного очищения перед смертью) — не просто дань обычаю, а неосознанная надежда на отпущение грехов)?

Это мои ученики понимают. Но почему умирает Борис? Ответ находим в тексте. «Ему стало тяжело нести свою душу на войне», — читают ребята. А ещё отмечают контраст. В четвёртой части зима сменяется весной. («Земля занята своим вековечным делом. Она на сносях, готовится рожать»). Не потому ли глава названа «Успение»? (Языческий образ Матери-Природы и христианский — Богородицы в русской национальной традиции сливаются в один.) Природа возрождается, пробуждается от сна (распускающаяся верба — евангельский символ Воскресения, победы жизни над смертью). Но контраст очевиден. Природа воскресает, а жизненные силы Бориса угасают («...весь пар из него вышел, душа и тело выболели, устали»).

Читаем описание могилы Бориса. Ребята делятся своими открытиями.

Могила Бориса оплакана Матерью-природой («дождливое утро»).

Красный тюльпан — его воскресшая душа (вспомним подобные метаморфозы: терновник, выросший на могилах Тристана и Изольды, вспыхнувшее на месте очага дома Мариты гранатовое дерево в фильме Т.Абуладзе «Древо желания»).

Строки «Корни жилистых степных трав и цветов ползли в глубь земли, нащупывали мёртвое тело, уверенно оплетали его, росли из него и цвели над ним» вызывают ассоциацию с образом Осириса из древнеегипетского мифа — символом вечного обновления и возрождения природы.

Прочитаны ключевые сцены. Расставлены акценты. Делаем выводы. Почему же умер Борис? Выслушаем мнение каждого, поблагодарим, запишем.

Если Мохнакова убила ненависть, то Бориса — любовь. Она сделала его душу «мягкой, жалостной, плюшевой», значит, лишила силы сопротивляться злу.

Бориса погубило чувство вины перед всеми беззащитными, которых он (солдат) не смог уберечь от зла. («Он жалел себя, и раненых соседей, бабочку, расклеенную ветром по стеклу, срубленное дерево, худых коров на полях... плакал сухими слезами о старике и старухе... Лиц пастуха и пастушки он уже не помнил, и выходило, похожи они на мать, на отца, на всех людей, которых он знал когда-то...»)

Борис, как и Мохнаков, уходит добровольно, потому что не хочет жить в злом мире, где забыта истина, та, что «одна святая на земле: истина матери, рождающей жизнь, хлебопашца, вскармливающего её». «Зачем жить? — спрашивает он. — Чтобы убивать или быть убитым?» Уйти из жизни — единственный для него способ спасти свою чистую душу. Не случайно Люся является Борису, «выдохнувшемуся человечешке», в образе бабочки — традиционное в мифологии олицетворение бессмертной человеческой души.

Вспомним эпиграф к повести: «В том мире давнем я был цветком...» И после смерти герой «возвращается» в омытый весенним дождём мир прекрасным тюльпаном. Герой отказывается быть человеком, уходит из мира людей и сливается с природой. Это есенинская трагедия: «Ветры, ветры, о снежные ветры! Заметите мою прежнюю жизнь... я хочу быть... цветком с луговой межи».

Не будем настаивать ни на одном из этих мнений: во многом они пересекаются.

Звучит «Ich rufzu dir, Jessus Christ» Баха.

Читаю финал повести и предлагаю ребятам письменно ответить на один из вопросов: В чём смысл кольцевой композиции? Смысл названия? Почему Астафьев назвал повесть пасторалью?

Строчки из ученических работ

(Оставляем последнее слово за читателями.)

«В начале повести мир одинокий, холодный, пустынный. Люся бредёт по дикому полю. В конце же повести она становится частью природы: слушает степь, её "древние" глаза "отцветают" и засыпаются порошей семян. А может быть, она солнце, которое "катится за горбину степи" и скоро погаснет. Борис — цветок, но цветы не могут жить без солнца — и он "увядает", умирает. Его мёртвое тело сливается с землей, его опутывают "корни трав и цветов, утихших до весны". Но только до весны, а когда солнце вновь согреет землю, он "расцветёт"». *(Лена Краснянская.)*

«При чтении первой и последней страницу меня возникло впечатление, что из хаоса начинает возрождаться новый мир. На последней странице Астафьев рисует осень, вечер, закат солнца, "отцветающие древние глаза" старой женщины — детали, символизирующие закат жизни в природе и завершение человеческого существования. Но образы "растений, осыпающих семена", "корней трав и цветов, утихших до весны", преодолевают трагизм ухода. Жизнь вечна, всё уходит, чтобы вернуться вновь. Смысл кольцевой композиции — в идее бессмертия мира и человека».

«В конце повести — печаль, страдание любящей женщины и примирение со смертью, примирение, в основе которого лежит вера в вечную жизнь и в вечную любовь». *(Кристина Колобова.)*

«Сначала Люся плакала, и оттого плыло всё и качалось море перед ней, а в конце не было слёз, будто всё стало вне бытия. Но океан продолжал расширяться, он растекался по растрескавшейся земле. Всё возвращалось к первоначальному образу мира. Океан и небо. И больше ничего. Может, Бог даёт людям ещё одну попытку начать жизнь — без войн, без горя, без страдания?» *(Аня Горшкова.)*

«Автор назвал повесть "Пастух и пастушка", потому что Люся и Борис были беззащитны в этом мире, как пастух и пастушка из детских воспоминаний героя или как старик и старуха за баней. Борис думал раньше, что "беззащитные недоступны злу", но он ошибался. И понял это. Потому и умер, что был беззащитен».

«Повесть Астафьева — современная сказка об идеальной любви "пастуха и пастушки", которые хотели жить в гармонии с природой и с другими людьми». *(Ксения Гасанова.)*

«Души убитых за баней старика и старухи, обнявшись, "улетели" к небу. Так и Борис ждёт свою "пастушку", чтобы вместе с ней отправиться в бесконечное путешествие по небу, где они будут "пасти" своих воздушных овец из облачков». *(Денис Костров.)*